

А. А. Бондаренко

Использование показаний, полученных по другому уголовному делу

Возможность использования в доказывании показаний, полученных не в данном, а в другом уголовном деле, рассматривается как иллюстрация неабсолютности феномена пределов производства по уголовному делу. Акцентируется, что единство события преступления, исследуемого в силу процессуальных требований в рамках разных производств, предполагает при определенных обстоятельствах использование показаний и иных доказательств, полученных в другом уголовном деле. Некоторая общность доказательственной базы по таким делам косвенно вытекает из практической недопустимости принципиально различного описания события преступления в уголовных делах по одному факту. Формирование доказательства не «в своем» уголовном деле с последующим его выделением в качестве материала происходит при первичном сообщении о новом преступлении в ходе производства следственных действий.

Ключевые слова: *пределы производства по уголовному делу; использование показаний, полученных по другому уголовному делу.*

Правило, согласно которому доказывание обстоятельств конкретного преступления осуществляется в рамках возбужденного уголовного дела, является незыблемым постулатом на протяжении, пожалуй, всей истории уголовного судопроизводства. В том, что доказательства могут быть получены только лицом, принявшим уголовное дело к своему производству, заключается важнейший элемент процессуальной формы, которая в свою очередь выступает первоосновой судопроизводства, его сутью.

В настоящее время, когда требования к соблюдению уголовно-процессуальной формы существенно возросли, на доктринальном уровне получило развитие понятие «пределы производства по уголовному делу». Данное понятие означает, что в рамках конкретного уголовного дела лицо может быть обвинено только в тех преступлениях, по которым производство начато, и, соответственно, возможно исследование только тех преступных событий, по поводу которых уголовное дело возбуждено и ведется. Собираемая по уголовному делу информация может быть использована для обоснования итогового решения по фактическим обстоятельствам данного дела. Более того, сведения о другом преступлении не должны закрепляться (появляться) в конкретном уголовном деле,

а если такое случится, то они считаются недопустимыми для использования в том (другом) уголовном деле, хотя обладают по отношению к нему свойством относимости.

Вместе с тем такое жесткое разграничение доказательственных сведений, собранных в разных производствах, являясь необходимым и справедливым общим требованием, не вполне учитывает все уголовно-процессуальные ситуации. Как минимум речь может идти об уголовных делах по поводу одного фактического события, разъединенных в отдельные производства по сугубо процессуальным основаниям. Кроме того, нельзя упускать из виду, что сведения о новом совершенном преступлении могут быть сообщены в ходе производства по уголовному делу. Согласно ч. 4 ст. 141 УПК РФ устное сообщение о преступлении в таких случаях заносится в протокол следственного действия или в протокол судебного разбирательства. Рассмотрим обозначенные ситуации немного подробнее.

Расследование и судебное рассмотрение единого события в нескольких уголовных делах. Такое разъединенное производство прямо следует из большинства предусмотренных законом оснований для выделения уголовных дел. Разделение дел осуществляется вопреки требованию всестороннего и полного исследования обстоятельств дела и представляет собой вынужденное или целесообразное решение. Выделение уголовного дела может быть предопределено как невозможностью совместного производства (один обвиняемый скрылся), так и другими целями (воспитательными — при выделении дела в отношении несовершеннолетнего; обеспечением безопасности обвиняемого и тайны следствия — при выделении дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве; и т. д.).

В разъединенных делах, как правило, имеются общие доказательства, полученные до выделения дела (ч. 5 ст. 154 УПК РФ). Конечно, это обстоятельство не может служить подтверждением того, что и последующее доказывание (теперь уже автономное в рамках самостоятельных производств) солидарно формирует единую совокупность доказательств, пригодную для использования в каждом из уголовных дел. Но нельзя забывать, что круг участников во всех выделенных делах остается одним и тем же. Потерпевшие и свидетели могут быть допрошены в одном деле по всем существенным обстоятельствам преступления, но по объективным причинам не допрошены по этим же обстоятельствам по другим делам. Данные участники во время допросов по разным делам могут сообщить не совпадающие сведения по одному и тому же предмету. В одном уголов-

ном деле преследуемому лицу может быть предоставлено право оспорить данные показания в досудебном или судебном производстве, в другом — нет, однако и потребность в таком оспаривании в случае, например, смерти потерпевшего или свидетеля может отпасть.

По сложившемуся в настоящее время обыкновению один и тот же судья не рассматривает дела, некогда составлявшие единое целое, чтобы уже сформировавшееся внутреннее убеждение непроцессуально не проявилось в новом деле. Честнее регулировать производство по второму делу через правило о преюдиции, хотя применительно к досудебному соглашению о сотрудничестве оно не действует. Нет запрета истребовать необходимые материалы из ранее рассмотренного уголовного дела и приобщить их к другому автономному производству. Тогда возникает вопрос о статусе истребованных сведений, поскольку формально они не могут быть показаниями, заключениями эксперта, протоколами следственных действий в уголовном деле, в котором не формировались, но к которому оказались приобщенными. Универсальная оболочка в виде «иных документов» формально пригодна для использования истребованных из другого уголовного дела материалов, однако она не дает тех гарантий преследуемому лицу, которые дает, например, порядок непосредственного исследования показаний. Письменные показания привлекаются к оглашению с определенными нюансами и в строго ограниченных ситуациях, а иные документы оглашаются свободно. В этом довод в пользу того, чтобы полученные в другом уголовном деле показания сохраняли данный доказательственный статус и в новом деле. Так, их оглашение в случае неявки в судебное заседание носителя сведений по причинам, предусмотренным пп. 2–5 ч. 2 ст. 281 УПК РФ, недопустимо, если преследуемому лицу не предоставлялось право на их оспаривание. Такое оспаривание соучастником преступления в другом деле не должно восприниматься как надлежащее, поскольку подсудимым в настоящем деле выступает иное лицо.

Фиксация в протоколе следственного действия или судебного разбирательства сведений о новом преступлении. Норма части 4 ст. 141 УПК РФ с позиции чистоты сформулированного в ней правила выглядит безупречно. Она предписывает правоприменителям фиксировать сведения о новом преступлении там и тогда, где и когда они получены. Предупреждая укрытие преступлений или несвоевременное реагирование на них, законодатель не допускает никаких отсрочек, например, до окончания следственного действия и судебного заседания, чтобы потом оформить их отдельным документом, не связанным с ведущимся

производством. Однако с процедурной стороны данное правило достаточно сложное, требует ряда дополнительных решений и действий, направленных на извлечение этой информации из «чужого» для нее уголовного дела и решения вопроса о возбуждении самостоятельного производства. Но, пожалуй, самый сложный аспект не в этом, а в степени полноты закрепления получаемых сведений в протоколе. Здесь требуется принять во внимание, о каком следственном действии идет речь. Не каждое следственное действие предполагает отражение вербальной информации. От этого зависит форма занесения заявления о новом преступлении в протокол. При допросе закрепление информации о новом преступлении может быть полным, но до какой степени? По логике следует отразить все юридически значимые нюансы. Но тогда сталкиваемся с ситуацией, когда показания формируются не в надлежащем уголовном деле, в «случайном» по отношению к тому делу, которое будет возбуждено по новому преступлению. Далее легко смоделировать ситуации, когда показания заявителя, полученные теперь уже в рамках «своего» уголовного дела, окажутся противоречащими первоначальным сведениям. Отсюда проблема использования показаний, полученных в другом уголовном деле, которая привлекла наше внимание и которую, как представляется, следует разрешать в пользу допущения такого использования. Речь нужно вести не только о показаниях, но и о прочих предметах и документах, не относящихся к расследуемому делу, но добровольно выданных или правомерно изъятых при производстве обысков, выемок, осмотров, освидетельствований, поскольку они содержат признаки нового преступления и на их основе будут сформированы вещественные доказательства и «иные документы» теперь уже в «своем» деле.

С учетом изложенного следует признать, что вряд ли правильно и целесообразно исходить из абсолютного неприятия использования по уголовному делу доказательств, в том числе и показаний, полученных в другом уголовном деле. Как исключение, такие доказательства, которые нельзя повторно получить в «своем» деле или требующие исследования ввиду того, что по-иному освещают предмет доказывания, должны быть допущены для исследования в деле, к которому относятся содержательно. Важно доктринально проработать и нормативно описать специфику такого использования.